

Р.М.Гафаров (Россия)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ И ЭПОХА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

Начало восемнадцатого века уже у современников порождает ощущение стремительного изменения общественной жизни, облика России. Виднейший деятель культуры первой трети XVIII века, поражавший иностранцев своими энциклопедическими познаниями и острым умом, Феофан Прокопович писал: «Как незапно да вельми знатно <...> стала в славу и пользу возрастати Россия! Растет человек, растет древо, ведаем, да никакими очима не можем усмотрети растительного движения: а мир весь ясно видел, как народ российский, когда весьма ему исчезнути многим провещал и, возростал высоко и аки бы подымался, от гнушения в похвалу, от презрения в страх, от немощи в силу» [цит. по: Русские повести... 1965: 161]. Это ощущения внезапности возникновения новых форм общественной и культурной жизни, новой литературы разделяли многие представители русской интеллигенции первой половины XIX века. В частности, когда в 30-40-е годы XIX века развернулась острая полемика вокруг литературного наследия минувшего столетия, практически все участники обсуждения, говоря о начале XVIII века, употребляли слово «вдруг» (об этом подробнее: [Гафаров 2006: 27-45]).

Но уже во второй половине XIX столетия, когда в академической науке стал утверждаться принцип историзма [Возникновение... 1975: 299], С.М.Соловьев в курсах лекций по русской истории показал, как внутренняя логика событий связывает между собой древние и современные формы существования русского общества и русской культуры [Соловьев 1990: 421]. Процесс формирования новой русской культуры в веке XVIII-м был связан с теми явлениями в XVII веке, которые постепенно меняли взгляды на человека: возникали представления об индивидуальности. Впервые процесс формирования идеи личности в литературе «бунташного века» выявил в своих исследованиях Д.С.Лихачев [Лихачев 1987, т. 3]. Его утверждение, что в XVII веке в русской культуре решались задачи, которые в Западной Европе реализовывались в эпоху Возрождения [Лихачев 1987, т. 1: 172], стало общепризнанным положением в литературоведении.

XVII век выдвинул свои требования к характеру героя, создаваемого писателями. Как положительные свойства характера героя оценивались целеустремленность, «настроенность к действию» и способность дейс-

твовать «непрерывно и неустанно» [Демин 1977: 62, 63]. Соответственно осуждалось безволие и неразумная жизнь, выведенные в образе героя «Повести о Горе-Злочастии»: «Молодец не новый для своего времени человек, – пишет Д.С.Лихачев, – ему нечего противопоставить житейскому опыту своих родителей. В нем нет ни практической хитрости, ни пытливой любознательности, ни предприимчивости, ни даже желания перечить окружающим» [Лихачев 1984: 95].

Тип деятельного, умного, решительного человека становится центральным объектом изображения в повестях эпохи Петра I, возникших на стыке трех различных традиций: переводного галантно-рыцарского романа, бытовых повестей XVII века и русского фольклора. Показательным образцом повестей петровской поры может служить «Гистория о российском матросе Василии Кориотском». Г.Н.Моисеева в своем капитальном исследовании убедительно опровергла выводы А.Н.Пыпина, что «Василий Кориотский» (для удобства позволим себе сократить название повести до имени героя) представляет собой переделку переводного романа «Гистория о гишпанском шляхтиче Долторне» [Пыпин 1887: II]. Впоследствии блестящий литературовед Г.А.Гуковский в своем учебнике по истории русской литературы лишь бегло повторяет выводы А.Н.Пыпина, полностью с ним соглашаясь [Гуковский 1999: 42].

Г.Н.Моисеева в ходе своего анализа совершенно справедливо замечает, что авторы повестей петровского времени, заимствуя приемы создания образа, сюжетные ходы из переводных романов, привносят принципиально новое идейное содержание. Исследователь определяет круг важных, по ее мнению, идей «Гистории о матросе Василии», «Гистории о дворянине Александре» и «Гистории о некоем шляхецком сыне»: «прославление разума, “науки”, необходимость оценки человека, исходя из его личных качеств, а не по происхождению» [Русские повести... 1965: 17]. Однако, как нам представляется, в этих повестях можно выявить еще одну крайне важную идею. Автор «Василия Кориотского», в частности, настойчиво проводит идею равенства русского человека европейцам. Ему крайне важно показать, насколько комфортно чувствует себя русский человек в любой европейской стране, потому что он внутренне свободен, незакомплексован и способен в необходимый момент проявить ум, характер, волю. В этом плане можно, видимо, вписать повесть о Василии Кориотском в традицию путешествий как формы «переживания национальной проблематики» [Гончарова 2004: 40]. Правда, рефлексия своеобразия русского характера в этой повести представлена предельно редуцированно. Личное же достоинство Василия тесно связано с чувством уважения своих национальных и иноземных традиций.

Основная тема обозначена автором уже в начальных словах: «В Российских Европиях некоторый живяше дворянин, имяше имя ему Иоанн, по малой фамилии Кориотский. Имел у себя сына Василия, лицом зело прекрасна» [Русские повести... 1965: 191]. В этих открывающих произведение словах достойно внимания, что Россия воспринимается как часть Европы. И это начальное утверждение по-своему объясняет естественность благополучного существования Василия в разных европейских странах (по сюжету он живет в Голландии, совершает поездки в Англию и Францию, добиваясь успеха в торговых делах, сближается с цесарем в Цесарии (Австрии) и, наконец, женившись на Ираклии, правит во Флоренции). Но следует отметить и малозаметный суггестивный прием, связанный с именем отца главного героя: частью Европы Россия была всегда, со времен прадедовых (архаично-библейская форма «Иоанн» в контексте фразы вдруг стремительно утрачивает обыденно-бытовой смысл).

Этой идее подчинены истории любви и дружбы героев повестей начала XVIII века. Они не просто сильно, искренне влюбляются в равных себе по внешней красоте и уму женщин. Но их, русских людей невысокого происхождения, любят высокородные дамы. Они на равных водят дружбу с представителями европейской знати. Иными словами, в начале XVIII века литераторы, отвечая на запросы эпохи, декларируют внутреннее достоинство русского человека, уже осмысляемое как проявление, отражение общенационального пафоса строительства сильного государства, утвердившего Россию равной ведущим европейским странам.

Способствует росту национального самосознания, чувства достоинства русского человека победа в Полтавской битве. Этому событию посвящена пьеса А.Журовского «Слава Российская». Барочная традиция обращения к аллегорическим образам и эмблемам в этой пьесе, как и во многих школьных пьесах петровского времени, подвергается решительному пересмотру. В школьном театре «традиционная аллегорика и эмблематика приходила <...> в движение» [Морозов 1974: 189]. Не только динамику аллегорических фигур отмечают исследователи: «Они начинают напоминать людей и внешностью и чертами характера... Земная, человеческая сущность даже самих абстрактных аллегорий уже совершенно не скрывается» [Демин 1977: 242, 243]. Оживление аллегорий снимает границы между художественным образом России и отдельным человеком, провоцируя чувство сопричастности к судьбам страны. Развиваемая в пьесе тема достойного места Российской империи среди прочих сильных держав превращалась под пером драматурга в экспликацию достоинств любого русского человека: «Бедна прежде Россия, ныне же коль блага, / Егда мя посетиша времена предрага. / Уже не буду ныне стонать тяжко

горе, Егда Нептун безбедно обещае море. / Тако же и на поле аз не устращуся, / Егда Марса и помощи видеть сподоблюся...» [Журовский 1965: 43].

Пафос подъема национального самосознания в полной мере выразился в торжественных одах того времени. Тонкий критик Н.В.Гоголь, чьи суждения о литературе и о творчестве отдельных писателей до сих пор не потеряли актуальности, отметил, что русская литература в XVIII столетии началась с восторга: «Все в молодом государстве пришло в восторг, издавши тот крик изумленья, который издает дикарь при виде навезенных блестящих сокровищ. Восторг этот отразился в нашей поэзии, или лучше – он создал ее. Вот почему поэзия с первого стихотворения, появившегося в печати, приняла у нас торжествующее выражение, стремясь высказать в одно и то же время восхищенье от света, внесенного в Россию, изумленье от великого поприща, ей предстоящего, и благодарность царям, того виновникам» [Гоголь 1952: VIII, 371].

Этот общенациональный восторг нашел свое полное воплощение в том виде торжественной оды, который разрабатывался писателями-классицистами. Торжественная ода возникает не на пустом месте. Идея политической силы России долго развивалась в русле панегирической поэзии.

Как известно, характерная особенность поэтики жанра торжественной оды – обезличенность автора. Одописец свои личные устремления полностью отождествляет с государственными задачами. Но если рассматривать этот художественный прием через призму биографий Ломоносова, Третьяковского, Сумарокова, то можно с полной уверенностью говорить об искренности этого слияния личного и общественного в устремлениях автора од. Перед смертью, например, В.К.Третьяковский писал: «Исповедую чистосердечно, что ничего другого, после правдивой истины и после вернейшаго всеподданничества предрекающей Матери Отечества, не ценю дражае в жизни моей услужения на честности и пользе основанного, досточтимым, по гроб мною соотечественникам» [цит. по: Крашенинникова 2005: 197].

Наиболее ярким примером искреннего подчинения своей жизни идее служения Отечеству стала биография М.В.Ломоносова. Он осознавал колоссальный масштаб своего дарования и старался в полной мере употребить его на пользу России. Эта сторона личности гениального русского ученого обстоятельно и очень убедительно показана в капитальном труде Е.Н.Лебедева «Ломоносов» [Лебедев 2008]. Судьба Ломоносова наглядно демонстрирует идею неразрывной связи достоинства русского человека с достоинством России и идею личной ответственности за утверждение России как полноправной европейской державы. Понимание этих взаи-

мосвязей давало силы великому ученому вести непримиримую борьбу в Академии наук с группой ученых, объединившихся вокруг Шумахера.

Оправдание своим смелым критическим отзывам на научные работы своих коллег, своей войне с академической канцелярией он видел, в первую очередь, в том, что его поведение полностью отвечало интересам государства, нуждающегося в науке европейского уровня. О том, насколько ясно Ломоносов понимал необходимость этой борьбы и свои заслуги перед Родиной, можно судить по письму И.И.Шувалову от 30 декабря 1754 года, где он просит посодействовать в переводе из Академии наук в Иностранную коллегию: «...или бы в мое отбытие из Академии ясно оказалось, чего она лишилась, потеряв такого человека, который чрез толь много лет украшал оную и всегда с гонителями наук боролся, несмотря на все опасности» [Ломоносов 1980: 217]. Органическая связь Ломоносова с Россией, его уверенность в великом будущем Отечества, становились источником смелых назиданий, адресованных царям, в торжественных одах. Все одическое творчество М.В.Ломоносова пронизано пафосом великого будущего России.

Ломоносов в своей научной и поэтической деятельности всей силой своей души отдавался любимой теме – судьбы России. Поэтому образ России в одах Ломоносова занимает исключительное место. В целом ряде произведений поэт создает два образа России: необъятное в своей географической протяженности пространство и монументальная женская фигура. Каждый образ России имеет свой символический смысл. Россия-женщина воплощает нынешнее могущество, поэтому она в своих речах подводит итоги своим свершениям: «Се нашею, – рекла, – рукою / Лежит поверженный Азов <...>. / Се знойные каспийски бреги <...> / В моей послушности крутятся / Там Лена, Обь и Енисей, / Где многие народы тщатся / Драгих мне в дар ловить зверей <...>. / Здесь Днепр хранит мои границы». Россия необъятных пространств символизирует будущее величие: «Толикое земель пространство / Когда Всевышний поручил / Тебе в счастливое подданство, / Тогда сокровища открыл, / Какими хвалится Индия; / Но требует к тому Россия / Искусством утвержденных рук» (ода 1747 года).

Пространственная протяженность трансформируется в сознании художника в неисчерпаемость реализаций во временной проекции: автор в одах Ломоносова буквально заморожен угадываемой перспективой бесконечного разворачивания в пространственно-временном континууме образа России. И эта едва ли не логически выведенная ученым умом поэта великая будущность Родины наполняет его гордостью за себя как русского человека в той же степени, что и история русского народа: «Не

время, но великие дела приносят преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности» [Ломоносов 1980: 218].

Если вновь вспомнить Н.В.Гоголя, то можно отметить следующее: писатель чутко уловил в ломоносовском образе России имплицитно присутствующую идею необыкновенной силы русского характера. Как М.В.Ломоносов обретал уверенность в неизбежном великом будущем России при описании ее необъятных просторов, так и Гоголь решительно пророчит будущее величие Отчизны при взгляде на ее беспредельность: «...онемела мысль перед твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразясь во глубине моей; неестественною властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..» [Гоголь 1952: VI, 221].

Примечательно, что около этого времени, в конце 1840-х – начале 1850-х годов, С.М.Соловьев в своих лекциях, обозревая древнюю историю России, выделял богатырский период, когда «темная, безличная масса народонаселения потрясается, и происходит выдел из нее лучших людей по тогдашним понятиям, т.е. храбрейших, одаренных большою материальною силою и чувствующих потребность упражнять ее. Старая русская песня очень хорошо определяет нам лучшего человека, богатыря, или героя: “Сила-то по жилочкам так живчиком и переливается, грузно от силушки, как от тяжелого беремени”. Это мужи, люди по преимуществу, тогда как остальные в глазах их остаются полулюдьми, маленькими людьми, *мужиками*. Мужи, или богатыри, своими подвигами начинают историю; этими подвигами их народ становится известен у чужих народов; эти же подвиги у своего народа становятся предметом песен, первого материала исторического» [Соловьев 1990: 208-209]. Богатырство как синоним не только физической, но и духовной силы возможно только при полном совпадении личных и общественных интенций.

Во второй половине столетия, когда стали обнажаться изъяны государственного устройства, обозначилось противоречие между жизнью государства и отдельного человека. Появился в произведениях М.Чулкова «маленький человек» как жертва социальной действительности. Герой новой – негероической – эпохи уже противопоставляет свои интересы

интересам бездушного общества. Он ищет личной свободы не в реализации своих талантов, ибо талант, знания не востребованы. Поэтому студент Неох – герой «Сказки о тафтяной мушке» – не пытается опереться на знания, приобретенные в университете, но полагается исключительно на свои способности обольщать женщин ради достижения материального блага. Умная от природы Мартона – героиня романа М.Чулкова «Пригожая повариха, или похождения развратной женщины» – руководствуется извращенным представлением о чести: «Я твердо знала сию пословицу, что “богатство рождает честь”» [Чулков 1950: 160]. Герои М.Д.Чулкова являются не только выходцами из маргинальных слоев общества (Мартона на расспросы любовника о ее происхождении «не дала ему вдаль распространять такого разговора, который бы не принес <...> много прибыли» [там же: 173]), но и представителями низового, если можно так выразиться, уровня истории. Они не чувствуют себя, в отличие от героев классицизма, в эпицентре исторических событий. Для них язык истории невнятен: «А намедни, не знаю как, занесли к нам оду какого-то Ломоносова, – сообщает Мартоне очередной воздыхатель, – так мы всем приказом разобрать ее не умели; да что больше говорить, сам секретарь сказал, что это бредни и не стоит она последней канцелярской записки» [там же: 167]. Обличению Чулкова подвергаются не герои, ибо аморальность не является их природным свойством, но общество, толкающее на путь разврата далеко не глупых и способных людей. Так обозначилось драматическое несовпадение в новой эпохе человека, стремящегося к благополучию, и тех условий осуществления этих устремлений, которые предлагало государство.

Если герои Чулкова пытаются приспособить свои претензии на состоятельность к равнодушию порочной системы, то молодые положительные герои комедии Д.И.Фонвизина «Недоросль» ищут новых формул, объясняющих суть достоинства человека. Положительные герои подвергают решительной ревизии моральные ценности недавней эпохи. Они начинают понимать сложную природу взаимодействия человека и среды, зависимости его от общественных условий. Для них зло социальное не является порождением одной только природы человеческой, но превращается в знак внутренней несвободы человека, оказавшегося по неразвитости своей в рабской зависимости от темного, невежественного окружения.

И в молодых героях пьесы Фонвизина этот факт вызывает не чувство негодования при виде злонравного человека, но жалости: «Возможно ль, дядюшка, – говорит Софья, – чтоб были в свете такие жалкие люди, в которых дурное чувство родится точно оттого, что есть в других хоро-

шее. Добродетельный человек сжалиться должен над такими несчастными» [Фонвизин 1959: I, 150]. Она готова безоговорочно осуждать только то зло, которое является результатом свободного сознательного выбора: «Так поэтому надобно, чтоб всякий порочный человек был действительно презрения достоин, когда делает он дурно, *знав, что делает*» (выделено мной – Г.Р.) [там же: 151]. В этих новых общественных условиях, когда серьезной опасности подвержена личность человеческая, в допущенных властью условиях спонтанного воспроизводства рабской психологии как источника социального зла необходима новая модель жизнеповедения, которая поможет противостоять опошляющему воздействию среды и сохранить истинное, как говорят герои пьесы, благородство.

Прямолинейность Стародума – производное от той эпохи, когда интересы человека и власти совпадали. Но эта самая прямолинейность в новой жизни ведет героя к непониманию окружающих и к драматическим ошибкам в мнениях о жизни. Сам того не замечая, он оказался в зависимости от старых суждений о мире. Буквальное толкование имени этого героя (думающий по-старому) в контексте идей, звучащих в пьесе, несет в себе критическую оценку. Новое время требует более широкого, более гуманного, а значит – более свободного взгляда на жизнь, ибо отныне независимо мыслящий человек оказывается во враждебной среде.

В центре внимания писателей-сентименталистов в конце XVIII века оказывается обособленный в своем личном существовании человек. Ныне поэтизируется уникальность человека и несводимость его бытования к общенациональной или государственной жизни. Этот опыт постижения человеческой обособленности помогает А.Н.Радищеву продемонстрировать трагическое несовпадение государственной системы не только с интересами отдельного человека, но и с интересами нации в целом.

Герой его романа «Путешествие из Петербурга в Москву», заново постигая русскую жизнь, постепенно отрешается от повышенно-эмоционального взаимодействия с нею. Он научается доверять естественному течению событий, он окунается в движение исторического времени, у которого своя, малопонятная человеку логика. Политическая программа и осознание сверхчеловеческой логики движущегося исторического потока не противоречат друг другу. «В радищевском “Путешествии”, – справедливо отмечает В.А.Зарецкий, – нет ни проповеди пессимистического взгляда на будущее России, ни благословения кровавых бунтов. Дорога ввела путешественника в соприкосновение с такой движущей силой национальной жизни, которая требует иного угла зрения на историческую ситуацию...» [Зарецкий 2002: 25]. Неожиданно завязавшийся диалог Путешественника с эпохой определил со всей ясностью, насколько разо-

шлись интересы независимо мыслящего человека и государства.

Вырабатывается новая этическая норма, позволяющая человеку во враждебной среде сохранить достоинство, дающая возможность творческой жизни, несмотря ни на какие тяготы внешней жизни. Осужденный А.Н.Радищев по дороге в острог напишет:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? –
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду [Радищев 1938: I, 123].

ЛИТЕРАТУРА

Возникновение... 1975 – Возникновение русской науки о литературе. М.: Наука, 1975.

Гафаров 2006 – *Гафаров Р.М.* Н.В.Гоголь и русская поэзия XVIII века. К вопросу о роли ломоносовских и державинских традиций в творчестве Н.В.Гоголя. Мурманск: МПГУ, 2006.

Гоголь 1952 – *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: В 14 тт. М., 1952.

Гончарова 2004 – *Гончарова О.М.* Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. СПб.: РХГИ, 2004.

Гуковский 1999 – *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. М., 1999.

Демин 1977 – *Демин А.С.* Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. М.: Наука, 1977.

Зарецкий 2002 – *Зарецкий В.А.* Три литературных путешествия по России. Аввакум – Радищев – Гоголь. Стерлитамак, 2002.

Журовский 1965 – *Журовский А.* Слава Российская // Хрестоматия по русской литературе XVIII в. / Сост. А.В.Кокорев. 4-е изд. М., 1965.

Крашенинникова 2005 – *Крашенинникова О.А.* «Чтоб и в России развелась наука стихотворная» (Становление теории русского классицизма в трудах В.К.Тредиаковского, М.В.Ломоносова, А.П.Сумарокова) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Лебедев 2008 – *Лебедев Е.Н.* Ломоносов. М.: ОГИ, 2008.

Лихачев 1984 – *Лихачев Д.С.* Жизнь человека в представлении неизвестного автора XVII века // Повесть о Горе-Злочастии. Л.: Наука, 1984.

Лихачев 1987 – *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Л.: Художественная литература, 1987, тт. 1 и 3.

Ломоносов 1980 – *Ломоносов М.В.* Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1980.

Ломоносов 1952-1959 – *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: В 10 тт. М.-Л., 1952-1959.

Лосев А.Ф. Держание духа. М.: Изд-во политической литературы, 1988.

Морозов 1974 – *Морозов А.А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. XVIII век. / Сб. 9. Л.: Наука, 1974.

Пыпин 1887 – *Пыпин А.Н.* Из истории народной повести. Гистория о гишпанском шляхтиче Долторне, как вероятный источник повести о российском матросе Василии. СПб.: Типография В.Балашева, 1887.

Радищев 1938 – *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений: В 3 тт. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938.

Русские повести... 1965 – Русские повести первой трети XVIII века. Л.: Наука, 1965.

Соловьев 1990 – *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1990.

Фонвизин 1959 – *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: В 2 тт. М.-Л.: ГИХЛ, 1959.

Чулков 1950 – *Чулков М.Д.* Пригожая повариха или похождения развратной женщины // Русская проза XVIII века. М.: ГИХЛ, 1950, т. 1.